

Один и Другой

Двадцать пять вещей в пяти партиях

Дмитрий Усачёв

2026

Дмитрий Усачёв

Один и Другой

«Автор»

2026

Усачёв Д.

Один и Другой / Д. Усачёв — «Автор», 2026

Пространство без берегов и времени. Вода, из которой можно достать всё, что угодно. И пустота, в которую можно всматриваться бесконечно. Здесь двое. Один стоит спиной к воде и смотрит туда, откуда никто ни разу не появился. Другой опускает руки в воду и вынимает вещи — пуговицу, ключ без зубцов, чертёж лестницы, всё то, что можно предъявить. Они спорят о том, есть ли кто-то в пустоте. Спорят бережно, как двое несут через комнату то, что нельзя ставить на пол.

© Усачёв Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Согласие	5
Милосердие	7
Насыпь	9
Досмотр	11
Уход	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Один и Другой

Согласие

Партия первая. Вещь первая

Место, где они встречаются, не имеет берега. Есть вода и есть то, что вместо берега: полоса, на которой можно стоять, пока помнишь, что стоишь.

Другой приходит первым. Он приходит первым всегда, даже когда приходит вторым.

Один стоит спиной к воде и смотрит туда, откуда никто ни разу не появился.

— Там кто-то есть, — говорит Один.

— Там ничего нет.

— Ты не смотрел.

— Я оттуда достаю, — говорит Другой. — Это, знаешь, надёжнее, чем смотреть.

Он опускает руку в воду по локоть, потом по плечо.

Вода пахнет железом. Холод идёт впереди руки: сперва отнимается кисть, потом локоть, а к плечу доходит уже не холод, а вес, будто на руку понемногу вешают чужое.

Он вынимает: пуговицу, костяную бирку, чертёж лестницы, ключ без зубцов. Раскладывает на полосе в ряд, как раскладывают улики.

Один не оборачивается.

— Это ничего не доказывает.

— Это то, что там есть.

— Меня занимает не то, что ты достал. — Один говорит с промежутками, будто кладёт слова одно на другое и проверяет, ровно ли легло. — Меня занимает, зачем ты туда лезешь.

Другой опускает руку снова.

Сколько это длится, сказать нельзя: здесь нет ни утра, ни зимы, ни счёта. Иногда Другому кажется, что они стоят так с самого начала. Иногда — что начала не было и стоять негде.

Про Одного он знает две вещи. Первая: тот ни разу не обернулся к воде. Вторая: тот приходит сюда чаще, чем нужно человеку, который просто стоит.

Однажды Другой достаёт из воды перчатку.

Он держит её на весу, и вода стекает, и он видит, что перчатка — Одного: с распоротым швом на большом пальце, с тем самым распоротым швом.

— Обернись.

И Один — впервые — оборачивается.

Он смотрит на перчатку долго. Потом говорит тихо, без всякого торжества, устало:

— Да. Я там был.

— А перчатка как здесь?

— Оттуда сюда всё выносит. — Один смотрит на воду так, будто видит её впервые. — Ты же сам каждый день достаёшь.

— И? Что там? Ты молчал всё это время, ты стоял тут и молчал, и...

— Там ничего нет, — говорит Один.

Голос не отдаётся ничем: здесь нет эха, и всякое слово падает там, где сказано.

— Я потому и стою, — говорит Один. — Если я отойду, все узнают, что там ничего нет. И тогда не будет и здесь. Так устроено.

Воздух между ними делается тонким.

Другой чувствует это первым: полоса под ногами перестаёт быть твёрдой, и собственная рука с перчаткой становится видна насквозь — не прозрачна, а как бы необязательна. У Одного исчезает контур плеча. Он замечает это позже, но замечает.

Они стоят на волосок от того, чтобы сойтись.

— Нет, — говорит Один и отворачивается к своей пустоте.

— Там ничего нет, — быстро говорит Другой. — Я достаю оттуда пуговицы. Пуговицы, слышишь.

Плечо возвращается. Полоса твердеет. Рука снова непрозрачна, и в ней снова тяжело.

Оба переводят дух.

Про это между ними не сказано ни разу, но знают оба: согласиться — значит исчезнуть. Не проиграть, не сдаться, а просто перестать быть, потому что здесь человек держится только тем, чем отличается. Поэтому Другой никогда не смотрит туда, куда смотрит Один. Поэтому Один никогда не берёт в руки то, что разложено на полосе.

Они спорят бережно, как двое несут через комнату то, что нельзя ставить на пол.

— Ты ещё поймёшь, — говорит Один.

— И ты.

Потом они долго молчат.

Молчание — единственное, в чём они сходятся, и от него никто не исчезает; и Другой иногда думает, что ради этих минут всё и устроено, а спор — только плата за вход.

Вода не отражает никого из них.

Милосердие

Партия первая. Вещь вторая

У Одного в руках короб.

Короба раньше не было. Другой знает это точно, потому что здесь не бывает «раньше»: всё, что появляется, появляется впервые и навсегда.

Один ставит короб у ног — тот идёт вниз тяжело, и полоса под ним проминается, — и становится как обычно, спиной к воде. Но сегодня он стоит чуть боком. Ему нужно, чтобы спросили.

Другой опускает руку в воду. Холод доходит до локтя и останавливается там, дальше не идёт. Он достаёт катушку, напёрсток, зуб. Раскладывает на полосе в ряд.

Потом спрашивает:

— Что это?

— Список.

— Чей? Твой? Или тебе дали?

— Помилованных, — говорит Один.

— Ты их считаешь?

— Я их помню. — Пауза. — Это разное.

Другой подходит и открывает короб, и Один не мешает.

Изнутри тянет железом, сильнее, чем от воды.

Имён там нет. Есть черты — тысячи чёрточек, ряд за рядом, до дна и глубже дна. Против каждой стоит число.

— Что за числа?

— Сколько ему осталось на то, чтобы одуматься.

— А если не одумается?

— Тогда я его больше не милую, — говорит Один просто, как говорят о погоде.

Другой ищет себя и находит сразу: черта длиннее прочих, потёртая, много раз обведённая. Число рядом маленькое.

— Это я.

— Ты.

— Почему так мало? Я что, хуже вон тех? У тех вон по три знака, я считал.

— Потому что ты дольше всех не одумываешься. — В голосе у Одного нет ни угрозы, ни торжества, только усталая нежность. — Я тебя держу дольше всех. Ты не представляешь, сколько я вычеркнул за то время, что ты стоишь.

Другой смотрит на своё число и видит, что оно тает. Не быстро. Ровно.

— Оно уменьшается.

— Конечно.

— От чего?

— От времени, — говорит Один. — А прибавляю его я.

Он достаёт грифель, наклоняется и пишет. Грифель идёт по стенке коротко и сухо — единственный звук, какой тут бывает, кроме голоса.

Число подрастает.

И Другой чувствует это в себе: полоса под ногами твердеет, рука делается непрозрачной, вода в горсти — тяжёлой.

— Ты сейчас...

— Я тебя простил, — говорит Один. — Опять.

Другой стоит и слушает себя. Он есть. Вот рука, вот вода, вот ряд улик на полосе. И всё, чем он есть, только что выдано ему из чужих рук, по доброте, на короткий срок.

— А если я соглашусь? — спрашивает он. — Если скажу: ты прав, там кто-то есть. Вот прямо сейчас скажу.

Один впервые за всё время оборачивается к нему целиком.

— Тогда я тебя вычеркну.

— Убьёшь?

— Зачем? — Один даже как будто обижен. — Ты не понял. Вычеркну. Прощать станет некого.

Другой молчит.

Он понимает наконец, как здесь всё устроено. Он существует ровно в той мере, в какой его не простили до конца. Его несогласие — не упрямство и не доблесть. Это графа. Это то, за что его держат.

— Ты считаешь себя добрым, — говорит он.

— Я и есть добрый. — Один говорит без всякого вызова, ровно. — Посмотри в короб. Их тысячи. Каждому я дал ещё немного. Кто, кроме меня, дал им хоть что-нибудь?

И это правда, и Другому нечего на это сказать.

Один закрывает короб, поднимает его — коротко крякнув, потому что тот и вправду тяжёлый, — и становится как всегда, спиной к воде, лицом к пустоте.

Потом, не оборачиваясь, добавляет мягко:

— Ты подумай. Время есть.

И Другой слышит, как грифель царапает ещё раз, и как под ногами твердеет полоса.

Насыпь

Партия первая. Вещь третья

Один приходит с камнем.

Камень большой; он несёт его на плече, придерживая обеими руками, и там, где он ступает, полоса проминается и долго не выпрямляется. Он доносит камень до воды и кладёт. Тот входит в воду без звука.

Потом уходит и возвращается со вторым.

Другой смотрит, как он кладёт третий.

— Что ты делаешь?

— Насыпь.

— Зачем?

— Чтобы осталось.

Один говорит это, не оборачиваясь и не сбиваясь с дыхания, — так отвечают на вопрос, который сами себе задавали столько раз, что ответ стёрся до гладкого.

— Ты кончишься. Я кончусь. Всё, что мы тут наговорили, кончится вместе с нами и не оставит следа даже в этой воде. — Пауза. — А сложенное стоит. Не потому, что оно лучше нас. Потому что оно тяжелее.

— Насыпь тоже кончится.

— Насыпь дольше.

— Дольше — не значит навсегда, это же не одно и то же, ты сам...

— А навсегда не бывает, — говорит Один и кладёт четвёртый камень. — Бывает только дольше. Кто этого не понял, тот ещё ребёнок.

Другой не находит, что возразить, и это его злит, и он опускает руку в воду, чтобы занять руки.

Вода берёт руку выше, чем брала вчера. И запах железа в ней сегодня гуще.

Он замечает это не сразу, а на седьмом камне: там, где было сухо, теперь мокро, и его собственные улики — пуговица, ключ без зубцов — лежат в воде, и вода в них стоит.

Он смотрит внимательнее.

Один кладёт камень — вода поднимается. Ровно на камень. Не больше и не меньше.

— Стой. Посмотри вниз. Да посмотри же.

— Я смотрю вперёд.

— Вода идёт за тобой. Ты кладёшь — она поднимается. Ты ничего не наращиваешь, ты сравниваешь счёт.

— Ты меришь не тем, — отвечает Один, не оборачиваясь. — Ты меришь тем, что видно сейчас. Так ничего и не построишь.

И уходит за восьмым.

Тогда Другой ныряет.

Он идёт вниз долго, дольше, чем можно, потому что здесь нельзя утонуть — здесь можно только не вернуться. Холод перестаёт быть холодом и делается давлением. Вода темнеет, потом перестаёт темнеть, потому что темнее уже некуда.

И на дне он находит насыпь.

Она стоит целиком. Огромная, готовая, доведённая до последнего камня, обросшая тем, чем обрастает то, что стоит очень давно. Он ведёт по ней ладонью и узнаёт кладку: тот же наклон, та же манера класть камень неровной стороной внутрь, чтобы снаружи было ровно.

Он всплывает.

Он выходит на полосу, и вода стекает с него, и он говорит, ещё не отдышавшись:

— Она уже там. Внизу. Целиком, до последнего камня. Ты её уже сложил, давно, она на дне, и по ней ползает всякое.

Один опускает восьмой камень на полосу — осторожно, как ставят на пол посуду, — и выпрямляется.

И в первый раз ничего не отвечает.

Воздух между ними делается тонким. У Другого пропадает кисть — не растворяется, а становится необязательной, как деталь, которую можно и не рисовать. Он видит, как у Одного тускнеет край плеча, и понимает, что тот сейчас поймёт.

Он ждёт.

Один поднимает голову.

— Значит, я дойду, — говорит он.

Голос у него другой: в нём облегчение, почти радость. Он говорит это негромко, себе.

— Ты не понял...

— Я понял. Она есть. Раз она где-то уже стоит, значит, дело идёт правильно. — Пауза. — Значит, надо класть быстрее.

Плечо возвращается. Полоса твердеет. Кисть у Другого снова на месте, и в ней снова вода, и вода эта тяжёлая.

И Другой стоит и молчит.

Он мог бы сказать. Он мог бы объяснить, что готовая насыпь на дне — не обещание, а отчёт; что она стоит внизу именно потому, что была построена; что вода поднялась ровно настолько, насколько её сложили, и это единственное, что вообще случилось за всё время.

Он мог бы это сказать, и Один, может быть, услышал бы.

И тогда Одного не стало бы.

Поэтому Другой молчит.

Один идёт за девятым камнем. Он идёт быстрее, чем прежде: у него теперь есть подтверждение. Он доносит, кладёт, разгибается, вытирает ладони о бока.

Вода поднимается ровно на камень.

Она стоит уже по щиколотку и тянет холодом вверх, к колену. К тому времени, когда насыпь будет готова, стоять будет негде.

Другой это знает.

Он нагибается, поднимает из воды камень поменьше, шершавый, и подаёт ему.

Досмотр

Партия первая. Вещь четвёртая

Один приходит с пустыми руками.

Это новое. Раньше он приносил камень, или короб, или хотя бы стоял так, будто что-то держит. Сегодня руки у него свободны, и он всё время смотрит на них, будто не знает, куда деть.

— Он перешёл, — говорит Один.

— Кто?

— Тот, из-за кого я стою.

Другой ждёт продолжения, но продолжения нет. Один поворачивается наконец от своей пустоты — целиком, впервые не для разговора, а по делу — и обводит взглядом полосу, спокойно и внимательно, как обводят помещение, в котором придётся работать.

Другой опускает руку в воду.

Вода пуста.

И она не пахнет. Совсем — ни железа, ни тины, ничего; воздух над ней стоит никакой, как в комнате, из которой вынесли всё.

Он не сразу верит: заходит глубже, до плеча, ведёт ладонью там, где всегда что-нибудь есть. Ничего. Ни пуговицы, ни костяной бирки, ни обрывка проволоки. Он ныряет и идёт вниз, и внизу тоже ничего, и дно — просто дно.

Он всплывает и выходит на полосу с пустой рукой, и с него течёт.

— Там ничего нет.

— Вот именно, — говорит Один.

И Другой понимает, что впервые за всё время у него нечего предъявить и что его «ничего нет» сегодня работает не на него.

— Раньше было. Каждый раз было, ты сам видел...

— Раньше он и не переходил. — Один объясняет терпеливо, как объясняют устройство. — Пока он там, оттуда всякое выносит. Как перешёл — там пусто. Это и есть признак. Ты сам мне его сейчас принёс.

Другой открывает рот и закрывает.

Тогда Один идёт к его ряду и садится на корточки.

Он делает то, чего не делал никогда, — берёт в руки то, что разложено на полосе.

Он берёт бережно, двумя пальцами, поднося к глазам и поворачивая; и от этой бережности внутри у Другого делается холодно, потому что так берут не чужое барахло, а вещественные доказательства.

— Пуговица.

— Пуговица.

— Чья?

— Не знаю. Я её достал.

— Она не твоя. — Пауза. — Значит, чья-то. — Он кладёт её отдельно, левее. — Ключ. От чего?

— Ни от чего, у него нет зубцов, посмотри сам...

— Ключ без зубцов, — повторяет Один и кивает, будто услышал признание. — То есть ты не можешь сказать, что он открывает.

— Он ничего не открывает.

— Ты не можешь этого знать. Ты можешь знать только то, что ты не открывал. — Ключ ложится левее, к пуговице. — Чертёж лестницы. Лестница куда ведёт?

— Это чертёж.

— Вверх или вниз?

Другой молчит. Он не помнит. Он никогда не смотрел на эти вещи так, чтобы про них можно было ответить; они просто были там, и он просто их доставал, и в этом была вся его работа и вся его правота.

Теперь у него спрашивают, и он не может ответить ни на один вопрос, и каждое «не знаю» ложится левее, в отдельную кучку.

— Послушай, — говорит он, и голос выходит не такой, как он хотел. — Может, и правда кто-то перешёл. Я не спорю. Может, и...

Он не договаривает, потому что чувствует, как под ним поплыла полоса, а собственный голос стал доноситься откуда-то сбоку.

Он замолкает и отступает на шаг.

Полоса твердеет.

Один этого не замечает. Он занят.

Он перебирает всё до последнего, долго, и Другой стоит над ним, мокрый, с пустыми руками, и смотрит, как его сорок лет раскладывают на две кучки.

Наконец Один поднимается и отряхивает ладони.

— Чисто.

Другой ждёт, когда придёт облегчение.

Облегчение не приходит.

— Я знал, — говорит Один мягко, и в голосе у него настоящая теплота, и он кладёт руку Другому на плечо, и рука тяжёлая и живая. — Я не для себя. Мне надо было посмотреть, чтобы я мог сказать, что смотрел. Ты пойми: если я не проверю тебя, мне не поверят, когда я буду проверять остальных.

— Здесь нет остальных.

— Пока нет, — соглашается Один.

Потом он нагибается и складывает всё обратно — аккуратно, до последней мелочи, ничего не забрав.

Он раскладывает их в ряд.

В своём порядке.

И уходит на своё место, спиной к воде, лицом к тому, откуда никто ни разу не появился, и стоит там, и с этой минуты в его стоянии есть смысл, которого не было прежде: он теперь не ждёт, он уже начал.

А Другой остаётся над своим рядом.

Он смотрит на него и видит, что порядок неправильный. Пуговица не может лежать перед ключом. Чертёж лестницы никогда не лежал с краю.

Он берёт пуговицу и перекладывает. Потом перекладывает обратно. Потом трогает ключ и не решается.

Он стоит над ними долго, и всякий раз получается хуже, чем было, и он не может вспомнить, как было.

Уход

Партия первая. Вещь пятая

После того раза Другой решает уйти.

Он не объявляет и не прощается: объявить — значит начать разговор, а разговор — это то, от чего он уходит. Он просто поворачивается и идёт вдоль полосы, прочь от воды и от того, кто стоит к воде спиной.

Полоса не кончается. Она и не ведёт никуда: под ногами всё то же самое, и через сто шагов, и через тысячу.

Он идёт долго.

Сначала делается легче. Никто не спрашивает, откуда пуговица. Никто не объясняет, что пустая вода — признак. Он идёт и думает, какие вещи скажет вслух, когда будет далеко: что всё это ничего не значило, что там действительно ничего нет, что человек не обязан быть чьей-то графой. Он говорит их про себя, и они звучат хорошо, лучше, чем когда он их говорил при Одном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.